

В. Махцевич

Веселые будни

Из воспоминаний гимназистки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В. Махцевич
В11 Веселые будни: Из воспоминаний гимназистки / В. Махцевич – М.: Книга по Требованию, 2021. – 203 с.

ISBN 978-5-458-12393-8

Ну, теперь-то я совсем настоящая гимназистка, даже и платье на мне форменное! т. е. не то, чтобы уж очень форменное, потому на нем есть и складочки, и оборочки, передник тоже с крылышками и кружевом обшит, но все же платье на мне коричневое, а передник черный. Мне даже кажется, будто я немножко выросла, но это, быть может, только так кажется, потому что все-таки я самая маленькая в нашем классе.

С рисунками А.Н.Зеленского.

ISBN 978-5-458-12393-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

Ну, теперь то я совсѣмъ гимназистка.

убивали, а я съ ней разговаривать стану! И зачѣмъ ее только въ нашу гимназію приняли?

Отвернулась. А все таки интересно. Стала я сперва такъ вкось на нее поглядывать, а потомъ не выдержала, поворотилась совсѣмъ: вѣдь вмѣстѣ сидѣть будемъ, поневолѣ придется въ концѣ концовъ познакомиться.

Пока я обо всемъ этомъ раздумывала, классная дама ходила отъ одной скамейки къ другой и у каждой дѣвочки спрашивала, какъ зовутъ, фамилію и кто такая, православная или нѣтъ. Добралась и до насъ. Я сказала. Потомъ японку спрашиваетъ:

— Какъ ваша фамилія?

— Снѣжина.

— А имя?

— Люба.

— Вы православная?

— Да.

Вотъ тебѣ и фунтъ!.... т. е..... pardon, я хотѣла сказать: вотъ такъ штука, вотъ тебѣ и „японка“!

Я ужасно обрадовалась, что ошиблась, теперь можно будетъ подружиться съ ней. Сейчасъ, конечно, и разговорились. А вѣдь она совсѣмъ миленькая, особенно когда говоритъ или улыбается, такъ потѣшно ротъ бантикомъ складываетъ, и веселая, хохотушка, такъ и заливается.

Въ этотъ день насъ недолго въ гимназін продержали, велѣли только записать, какія книги и тетради купить надо, а потомъ распустили по домамъ.

Мы, сколько могли, поболтали съ Любой, но въ какіе нибудь полчаса, много ли успѣешь? Ничего, мы свое наверстаемъ, потому вѣдь я ой-ой какъ люблю

поговорить, да и „японка“ моя, видно, по этой части тоже не промахъ.

Послѣ обѣда мы съ мамочкою отправились за всѣмъ нужнымъ. Купили книги, тетради, и ранецъ;—это было самое интересное! Мамочка хотѣла сумку, но тутъ я и руками и ногами замахала. Подумайте только: если купить сумку, то ее за мной горничная будетъ носить,—ужасно нужно!—тогда какъ ранецъ я сама на плечи нацѣплю; всякій издали увидитъ, что гимназистка идетъ.

Купили мы тоже цѣлую массу бѣлой бумаги для обертки тетрадей, кляксапиру и ленточекъ. Конечно, кляксапиръ не обыкновенный розовый, какъ во всякой тетради даромъ даютъ,—фи! нѣтъ, у меня они двухъ цвѣтовъ: чудные свѣтло-сиреневые и къ нимъ пунцовыя ленточки, а другіе свѣтло-желтые съ нѣжно-голубыми лентами. Развѣ плохой вкусъ? Совсѣмъ bon genre, даже мамуся одобрила.

Мой милѣйшій двоюродный братецъ Володя смѣется, конечно, говорить „бабство“; да что съ мальчишки взять?—пусть болтаетъ, а все таки красиво, и навѣрно во всемъ классѣ больше ни у кого такихъ тетрадей не будетъ. Только бы кляксъ слишкомъ много не насаживать, это ужъ вовсе не bon genre выйдетъ.

Наши учительницы.

Ну, теперъ я, кажется, всякій уголокъ и закоулокъ у насъ въ гимназіи знаю, все облетѣла и высмотрѣла.

Въ самомъ низу одинъ только I, выпускной классъ, квартира начальницы, докторская, дамская и еще ка-

кая то большая-большая комната, съ желтыми шкапами и столами, а на нихъ все хитрыя машины стоятъ; написано „физическій кабинетъ“, но, кто его знаетъ, что тамъ дѣлають. Въ среднемъ этажѣ II, III и IV классы, а на самомъ верху остальные. Во всѣхъ трехъ этажахъ есть корридоръ и зала, и оба верхнихъ, какъ двѣ капли воды, другъ на друга похожи, только въ средней залѣ есть образъ „Благословенія дѣтей“, потому что тамъ всякое утро общая молитва бываетъ.

Намъ, малышамъ, бѣгать внизъ только до начала уроковъ позволяютъ, а потомъ ни-ни.

Классъ у насъ большой, свѣтлый, веселенькій. Уроковъ каждый день пять полагается, только въ субботу четыре.

Вотъ одна за другой, стали учительницы являться.

Русская—тотъ же самый милый, толстый Барбось, который экзаменовалъ меня, настоящее его имя—Ольга Викторовна.

Француженка—тоже та самая, что меня на экзаменѣ спрашивала, только теперь она какъ будто побѣлѣла—меньше іодомъ намазана. Зовутъ ее—Надежда Аркадьевна,—она русская француженка, не французская.

Дѣвочки ея не любятъ, говорятъ „мелочка“, а мнѣ она нравится, хотя правда—не красивая: глаза у нея черные и точно вонъ выскочить собираются, а прическа—какъ большое-большое гнѣздо. Все таки она славная.

Попинька-же у насъ премиленькій, настоящій душка; некрасивый и тоже желтоватый, но веселый, ласковый, постоянно шутить и насъ иначе, какъ „кралечками“ да „красавицами“ и не называетъ.—Евгенія Васильевна

(это нашу классную даму такъ зовутъ) говорила, кажется, что онъ академикъ, но, конечно, это вздоръ или я чтонибудь не разобрала, или она напутала. Первый разъ слышу!.. т. е. понятно, не про академію, это я давнымъ давно знаю, да и дядя Коля мой—академикъ; но то совсѣмъ другое, онъ офицеръ,—такъ ему и полагается значекъ, шпоры и аксельбанты носить, но чтобы нашъ милый попъ-батинька нарядился!...

Конечно, ерунда.

Ну, и нѣмка у насъ! Откуда это только такую откопали? Ужъ кого-кого, а ее вѣрно циркулемъ не обводили. Ни дать, ни взять двѣ дощечки въ синее платье нарядились, и всю ее точно изъ треугольниковъ сложили: локти угломъ, подбородокъ угломъ, носъ угломъ, глаза каріе и ужасно блестяціе, щеки будто вдавленные, но розовыя, а сама такая длинная, что хочется ее взять да посерединѣмъ узломъ завязать.

Зовутъ это сокровище M-elle Linde. Видно, злющая-презлющая, настоящая шипуля. А начнетъ по-русски говорить, всѣ смѣются: гдѣ только „л“ попадется, она непременно мягкій знакъ поставитъ: „палька“, „слушайте“. Вѣдь надо-жъ выдумать!

А я то, чуть не на первомъ-же урокѣ отличилась!

Повѣсили намъ на доску картину, а тамъ нарисована дѣвочка на стулѣ, и волосы у нея размалеваны какъ разъ, какъ пестрыя кошки бываютъ. Стала M-elle Linde вопросы задавать, а дѣвочки отвѣчать должны. Ужъ и отвѣчаютъ онѣ—одно горе! На весь классъ, кромѣ насъ съ Любой, всего пять-шесть есть, которыя хотя что-нибудь маракують. Вотъ нѣмка и спрашиваетъ одну дѣвочку,—Сахарова называется:

„Was für Haare hat das Mädchen?“

Та стоит, ротъ разинувъ, ничего не понимаетъ, а я Любъ потихоньку и говорю: „Bunte“—правда вѣдь пестрые. Сахарова, умница дорогая, возьми, да и повтори:

„Bunte“!

Кто сообразилъ, понятно, такъ и покатился, мнѣ тоже страшно смѣшно было, только я очень испугалась: ну, думаю, съѣсть меня сейчасъ нѣмка! Закусила я губу, сдѣлала „святые глаза“ и сижу тише воды, ниже травы. Классная дама кажется видѣла, что это я шепнула, но она только собрала свою носюлю на веревочку и хохочетъ-заливается.

Нѣмка посмотрѣла-посмотрѣла, — ничего, сказала только Сахаровой: „Какія глюпости“ и объявила, что „Das Mädchen hat blondes Haar“. Хорошо, что сказала, иначе я бы до этого никогда не додумалась.

Кто ужасно-ужасно милый—это учительница рисованія. Высокая такая, волосы черные, глаза большущіе, идетъ точно царица, но съ нами такая ласковая, меня даже по головѣ погладила, а какъ въ коридоръ встрѣтить, сейчасъ:

— „Ну-ка, черноглазый стригунчикъ, подите сюда, покажите ваши тараканчики“.

Но если бы только вы видѣли, что этотъ самый „стригунчикъ“ въ тетрадкѣ рисуетъ!.. Господи, какъ мнѣ совѣстно! Такъ бы хотѣлось угодить Юльѣ Григорьевнѣ, но рука ни съ мѣста, а коли двинется, такъ и еще того хуже. И вѣдь есть-же счастливыя дѣвочки, которыя могутъ рисовать: и Юля Бекъ, и Зернова, да и „японочка“ моя совсѣмъ недурно, а у меня—Боже,

Боже, что за ужасныя кривули въ тетрадкѣ красуются!

Учительница географіи у насъ очень хорошенькая; зовутъ ее Елена Петровна; она совсѣмъ молоденькая, розовая, тоненькая, нарядная, и всегда какъ куколка одѣта. Дѣвочки наши по ней сума сходятъ, только не я. Вотъ хорошенькая она, а не нравится мнѣ, потому что я знаю... т. е. не знаю, а... чувствую, что она никого изъ насъ не любитъ. Я всегда чувствую, любятъ меня или нѣтъ, и когда нѣтъ, мнѣ дѣлается такъ неуютно, такъ холодно... а около нея всегда холодно, и глаза у нея недобрые.

Учительница же наша ариѳметики и того хуже. Это не та, что меня экзаменовала, совсѣмъ другая. Зовутъ ее Вѣра Андреевна. Она молодая, но вся красная, вѣчно по классу бѣгаетъ, руки потираетъ и вертится, и крутится, ужасно ей хочется миленькой быть, а только по моему она противная. Мы съ Любой ее сейчасъ же „краснокожимъ индѣйцемъ“ прозвали; всѣ дѣвочки одобрили, теперь ее никто иначе и не называетъ.

Весело у насъ въ гимназіи, просто чудо! Чего-чего мы только на перемѣнкахъ не вытворяемъ,—да кабы только на перемѣнкахъ, на урокахъ тоже всяко бываетъ. У насъ своя компанія, хоть и маленькая, но, правду надо сказать, шумная. Говорятъ, что мы и на новенькихъ не похожи, такъ скоро ко всему привыкли.

Да, все это хорошо, а уроки-то на завтра все таки выучить надо, это не дома, тутъ весь классъ слушаетъ, да и передъ учительницами совѣстно. И задана то гадость какая: горизонтъ, небосклонъ, параллельные круги—покорно благодарю. И зачѣмъ только все это выдумали?

Бѣгу, а то мамочка ворчать будетъ.

Только что пришло письмо отъ тети Лидуши; пишетъ, что она съ мужемъ прїѣдетъ черезъ мѣсяць изъ Швейцаріи и привезетъ мнѣ что-то очень хорошее. Что бы это могло быть? И отчего прямо не сказать? Извольте-ка четыре недѣли мучиться!

Моя компанія. Путешествіе по Святымъ мѣстамъ.

У меня теперь завелось трое друзей неразлучныхъ, мы почти всегда вмѣстѣ ходимъ и въ классѣ по соудству сидимъ. А сколько намъ отъ начальницы достаётся! Не знаю уже почему, но терпѣть она не можетъ, когда обнявшись ходятъ, какъ увидитъ, сейчасъ: „Пожалуйста, не переплетайтесь!“ а мы это именно и любимъ: обнимаемся всѣ четверо, да по самой серединѣ корридора и маршируемъ, и кто ни идетъ, дорогу загораживаемъ.

Самая тихонькая изъ насъ Люба, она рѣдко когда расшалится и что нибудь выдумаетъ, зато хохотать мастерица; но наша Шурка Тишалова, той хоть медаль за шалости давай. И мордашка у нея препотѣшная: плоская, широкая, носъ совсѣмъ кверху и маленькій, какъ пуговка, глаза сѣренькіе, плутоватые, зубы большіе, бѣлые, а щеки точно поджаренныя. Страшно на татарченка похожа. Славная дѣвчонка, никогда-никогда не вретъ, а все таки жуликъ страшнѣйшій.

Полуштофикъ—это я нашу Штофъ такъ называю, потому что она совсѣмъ маленькая, почти какъ я,—

тоже душка: волосенки короткіе, бѣлобрысенькіе и кудрявые, а рожица всегда улыбается; она на такого веселаго, шустрого мальчишку похожа.

Вотъ вся эта наша компанія чуть-чуть въ исторію не влетѣла; мы то три выкрутились благополучно, а бѣдная Шурка такъ здорово вляпалась... т. е. я хотѣла сказать... попалась.

Это все Володина наука, выраженьица то эти, онѣ ихъ изъ гимназіи поприносилъ; я-то сама ничего, одобряю ихъ, да, бѣда, другіе не одобряютъ; дѣвочки то пожалуй, хотя тоже не всѣ,—наша напимѣрь, всезнающая Зернова разъ на меня за это такъ взглянула! Да она-то—пустяки, а было похуже. Какъ объявила Евгенія Васильевна, что „Краснокожка“ намъ трудную-претрудную письменную работу дастъ, я и скажи:

— Вотъ тебѣ и фунтъ!

Дѣвочки всѣ фыркнули, а я вовсе смѣшить ихъ не собиралась, нечаянно это у меня вырвалось. Евгенія Васильевна, хотъ и засмѣялась, но съ ужасомъ на меня взглянула.

„Муся, вы ли это? Такая благовоспитанная дѣвочка! Откуда это у васъ?“

Я ей объяснила откуда, а только все таки отвыкать надо, вовсе не желаю, чтобы всѣ эти тихони наши надо мной смѣялись. Покорно благодарю!

Какъ узнала Шурка про ариѣметику, сразу точно въ воду ее окунули. Странно, такъ-то вообще она сейчасъ и сообразить, и придумаетъ что хотите, но лишь дѣло коснется ариѣметики... кончено! Точно у нея въ мозгу занавѣсочку задернули—ни съ мѣста. Люба моя насчетъ задачъ ни то, ни се, ни шатко, ни валко; Полуштофикъ тоже, какъ Богъ на душу положить; я

же обыкновенно молодцомъ, а только—кто его знаетъ!—развѣ можно ужъ слишкомъ на свою голову полагаться? А тутъ еще „Женюрочка“ наша напугала: „трудная“, говоритъ, работа будетъ, претрудная“. Шурка чуть не трясется, Штофъ охаетъ, и мяѣ страшно дѣлается.

„Господа, а господа! Знаете что? Бѣжимъ передъ работой къ образу прикладываться“,—шепчетъ Тишалова.

Мысль чудная, да сдѣлать то какъ? образъ внизу, а ходъ туда намъ, малышамъ, воспрещается, и Евгенія Васильевна въ этомъ отношеніи ужасная упряmica,—просись не просись, ни за что не пустить. Какъ же быть? Мудрили мы, мудрили, и порѣшили потихоньку стрекача задать; проситься хуже, не пустять, да все таки убѣжишь, такъ ужъ навѣрно накажутъ.

Всю вторую переимѣну мы провертѣлись у лѣстницы:—никакъ не улизнешь: какъ на зло, то одна, то другая „синявка“ такъ и шмыгаетъ около насъ.

Вотъ и звонокъ. Всѣ въ классы входятъ, и мы плетемся, носъ повѣся. Тишалова чуть не плачетъ; глядя на нее, и у меня какъ будто душа въ пятки уходитъ. „Женюрочки“ еще въ классѣ нѣтъ, „Краснокожки“ тоже.

— А что, если сейчасъ слетать? Еще успѣемъ, теперь всѣ по мѣстамъ, на лѣстницѣ никого не встрѣтимъ, а? Идемъ живо!—говоритъ Тишалова.

— Ладно, идемъ,—говорю.

— Идемъ,—говоритъ и Штофъ.

Люба немножко труситъ, но только одну минуту, и мѣ вихремъ несемъ по лѣстницѣ въ среднюю залу. По дорогѣ ни души.